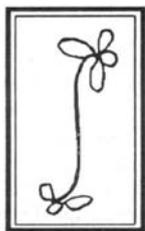

№ 3
1999

Ж-Жса Ждага

Информационно – энергетическое издание Ассоциации "Женщины в науке и образовании"
119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, биологический ф-т, каф. биофизики, тел. (095)939 1963, факс (095)939 1115
e-mail: awse@mars.biophys.msu.ru http://mars.biophys.msu.ru/awse

Что такое ЯЗЫК

Всякий, кто учился в начальной школе в старорежимные времена, это знает:

«Мы не рабы, рабы не мы». С этого мы все начинали. Золотая фраза, она сразу вводит в курс дела! Это, небось, были два предложения с точкой посередине. Неважно! Мы будем рассматривать это — как нерасторжимое целое, как совершенную и могущественную структуру. Структура, как известно, отличается от окружающего пейзажа большим уровнем организации. Это явно есть: чисто фонетическая даже — выпуклость, ударная звучность, резко поднимающая мысль над окрестным банальным текстом.

Смыслов тут — миллион.

Ну, во-первых, эта фраза отлично и без напряжения рифмуется. Дети интуитивно чтут рифму, ощущая телом властный и радостный рокот языковой стихии, ритмическое ее родство с первоязыком нашим. С движением. Рифма приходит сама — как шалый гребень волны, как цветной мяч, посланный навстречу, как удар живым удивлением в селезенку. Да хоть: «Мы не рабы, рабы не мы, гремят гробы, трубят слоны». Мажорно! «Трубят» — значит наша победа, «гробы» — это ихние гробы, не-наши. Противостояние заложено изначально. Можно чуть усложнить: «Мы не рабы, рабы не мы, не хочется чесать спины, а чешется у всей страны». Тоже недурно. Любой ребенок охотно сыграет в такую игру. И нужная формула, таким ненавязчивым образом, намертво засядет в подкорке. Ребенок-то вырастет, а она-то растет.

Во-вторых, фраза эта блестяще организована геометрически: она являет собой равнобедренный треугольник, устремленный ввысь. «Мы-не-ра-бы» — идет уверенный и четкий подъем; невольный передых-выдых, венчающий острую вершину; «ра-бы-не-мы» — четкий и уверенный спад. Основание треугольника рождается само собой — как гибкая стяжка-распорка, без которой противоположности (рабы и не-рабы) сольются или потеряют друг друга из виду, то бишь вся конструкция рухнет: враг должен быть зрим, борьба как воспаленная повседневность требует его освежающего присутствия ежесекундно. Направление треугольника ввысь — это энергия оптимизма, подразумевающийся взлет, может — птица взмывающая, может, «гордо реет буревестник», конкретика — лучше, ибо

Пушино-98. Профессий - больше, чем людей. Б. В. Орешин, издатель, историк;

Н. А. Янсон. программист, хозяйка Пушина: С. П. Курдюмов. математик, философ;

З. Е. Журавлева, писатель, специалист по связям; В. П. Волков, геолог, историк науки;

М. В. Трошева. математик, фотограф; Т. Ю. Ризниченко. биофизик, президент;

Д. С. Чернавский, физик, биолог, экономист; И. В. Горская, математик, компьютерщик; Валера, буддист, свободный художник (слева по спирали)

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Развитие идей и событий в конце XX века на каждом шагу демонстрирует пагубность представлений о единственно верном решении, единственно правильной линии поведения, мифа о всеисилии разума.

Во имя идей гуманизма могущественный международный блок бомбит маленькую страну, разрушая ее хозяйство, при этом «случайно» бомбы и снаряды попадают в мирных жителей. Как может мировое сообщество принимать такой образ действий, когда во имя защиты прав одних людей убивают других, неповинных? Где критерии справедливости?

Помните на рубеже 90-х годов митинги российской интеллигенции, свято верившей в идеалы демократии и рыночной экономики? По прошествии десятилетия российская наука, культура, образование в системе ценностей государства и общества скатились в такую яму, в какой они не были ни при самодержавии, ни при социализме, при всей антидемократичности и того и другого строя. Что это, злая воля или неизбежная расплата за слепую веру в «единственно верный путь» рынка и монетаризма?

Волны истории катятся, увлекая нас за собой. Мы не можем их остановить, но не можем и принять правила игры, которые нам навязывают циничные политики и бизнесмены, для которых цену имеют только богатство и власть, а целью жизни является только накопление денег. Мы — люди науки, образования и культуры — не можем оценивать мир столь однозначно, быть может, отягощенные осознанием своей миссии.

вбирает заодно и молнию.

Мой анализ, конечно же, субъективен: кто-то, допустим, увидит не треугольник, а додекаэдр, или знает другие рифмы. Суть не в этом. А в том, что ничто — не совершенство. Да, столь знобляще-отточенный идеологический тотем в обличьи невинной грамматической штучки состругать непросто. Нужен талант! И натренированное чутье: языковое, социальное, психологическое, всех не исчислишь. А ведь простой учебник! И гранта Сороса, может, не было. Так, от души. Или, может, от трепета жизни. Тем более интересно, что совершенство это совершенство все равно несовершенно: есть и тут уязвимое место, мгновенно убивающее тотем. А именно. Вдруг да мы, нестандартно прянув от ритма и победительной интонации, прочтем: «Мы не рабы. рабы немые»? Ну, слегка придется сдвинуть ударение, но кто сейчас их принимает всерьез! Вдруг да мы читаем «немые», вздрогнем, ощутим бездонную и огнедышащую мощь крошечного этого сдвига и пронзимся новым смыслом, самокритично прикинув его на себя?

Фраза качнется, как топкий берег. Первая часть ее — «мы не рабы» — вмиг потеряет в весе и лишится праздничной убедительности. Главным же станет вторая часть, ранее — вполне, производная: «немые» — ослепительно выпятится. Все вместе теперь вылядит приблизительно так: «Мы немые, значит мы рабы, надвинем шлемы на зубы». Но это не утверждение, что было бы нам прямым оскорблением, а простодушный вопрос.

То, что надо, по-моему.

А не немые ли мы, часом, в неостановимой своей болтливости? Всегда ли слова наши обеспечены смыслом? Как в науке, так и в искусстве. Чувствуем ли мы тот живой язык, на котором всю жизнь неутоlimo изъясняемся, спорим, молчим, шепчем, кричим и лепечем? Сознаем ли мы целительную силу его, щепетильную уступчивость и туземное коварство, враз оголяющее нас одной только нашей же фразой? Умеем ли мы услышать себя? И не связана ли крайняя наша сейчас внушаемость — от мандалы до выборов — с растущей языковой немотой?

Рита Яковлевна Райт — блистательный переводчик, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера-Райт наверняка читали — как-то бросила между делом, как янтарную занозу всадила: «Главное — научиться переводить с себя на себя».

Нет, что-то тут есть...

Или снова нужен тотем — как путеводная звезда.

Зоя Журавлева

Человеческое знание и культура хранятся в материальных ценностях и в людях — в нас с вами: учителях, преподавателях вузов, ученых, писателях, художниках и музыкантах. Все мы чувствуем и несем в себе высшую ценность знания и культуры, то, что во все века называли «искрой Божией». В этом смысле мы — Хранители.

Для того чтобы сохранить знания, культуру и себя, мы стремимся к объединению. Объединяющей структурой стала Ассоциация «Женщины в науке и образовании», которая была зарегистрирована в 1994 г. как общественная организация. Ее организовали женщины, исполненные чувства ответственности перед своими детьми и учениками за сохранение общечеловеческих ценностей и культуры. Ассоциация стала центром притяжения женщин и мужчин, работающих в науке и образовании. Мы — не политическая организация. Мы не стремимся к власти, мы стремимся к взаимопониманию, взаимоуважению и просвещению.

Нас волнуют вопросы, определяющие развитие России и человечества: нелинейное мышление, междисциплинарное знание, экология в широком смысле слова, образование и просвещение, информатизация общества, нравственность как неперемнная составляющая культуры.

Для обсуждения этих проблем и объединения людей, способных их обсуждать и решать, мы собираем в год три конференции, количество участников которых с каждым разом растет. Мы публикуем тезисы и труды всех наших конференций, формируем базу данных и фонд компьютерных обучающих программ.

К сожалению, у нас нет надежной финансовой основы. Несмотря на это, вокруг нас собирается все больше людей. Это означает, что такое объединение необходимо людям. Чтобы осознать и реализовать наше единство, нам необходимо понимание, диалог, взаимодействие языков.

Профессиональный язык необходим для общения с коллегами, но как найти общий язык ученым разным специальностей, изучающим разные сущности, и как донести свои знания до непрофессионалов? Универсальный язык математики позволяет находить общее в структуре и законах взаимодействия элементов систем, природа которых совершенно различна. В последние годы нас сильно продвинула на пути междисциплинарного понимания синергетика — наука о самоорганизации сложных систем различной природы.

Для искусства проблема понимания и восприятия также стояла всегда. Несомненно, наука со своим аналитическим, экспериментальным, дедуктивным подходом, и искусство, воспринимающее мир целостно, индивидуально, эмоционально, — едины в своем стремлении к пониманию и приятию мира и места человека в этом мире.

Природа свидетельствует, что симбиоз, взаимопомощь и сосуществование в энергетическом смысле значительно выгоднее, чем жесткая конкуренция. Если мы хотим выжить в этом мире, мы должны понять и принять друг друга.

Самые главные истины понятны и просты. Такую простую истину высказал Лев Толстой словами Пьера Безухова: «...Если люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать то же самое».

Галина Ризниченко, профессор МГУ, президент Ассоциации "Женщины в науке и образовании"

«Госпожа Удача», от имени всех, **ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕТ** с защитой докторской диссертации наших коллег, членов Ассоциации «Женщины в науке и образовании» — **Фаину Семеновну Березовскую** («Бифуркации динамических систем в моделях экологических систем»), Москва; **Валерию Валентиновну Василькову** («Синергетика и теория социальной самоорганизации»), СПб.; **Ирину Алексеевну Герасимову** («Эволюция когнитивных предубеждений творчества»), Москва; **Валентину Анатольевну Кузнецову** (В. Р. нос простит — точное название привести не можем), Ярославль; **Галину Владимировну Хромову** («Оценки погрешности приближенных уравнений первого рода в равномерной метрике»), Саратов.

Некоторые из них уже получали дипломы, остальные — скоро получат: сглазить мы не боимся, у «Госпожи Удачи» — птоз хороший, а защиты прошли, не будет преувеличением сказать, — с блеском, что и понятно: ибо — давно пора вам в доктора, дорогие защитившиеся! Желаем всем, кто еще медлит и не может собраться с духом, следовать этим славным путем!

Просим всех членов Ассоциации сообщать «Госпоже Удаче» о своих аащитах и вышедших книгах.

ЧЕЛОВЕК кричит МИРУ

Все, кто был на конференции «Математика и искусство», Суздаль-96, наверняка помнят Славика Яблана, который безотказно и увлеченно переводил наши доклады на английский, и Ядранку Хофман-Яблан, его жену и коллегу, тоже математика из Белграда. Мы все полюбили их и успели с ними подружиться. Мы обменивались с ними письмами и мейлами, обсуждали будущий Суздаль, мечтали о встрече. Мы были уверены, что на этой конференции они тоже будут с нами. Но 26 марта 1999 года мы получили от Славика письмо, которое вы сейчас прочитаете. Это не письмо, это крик. И мы все слышим его.

От: Slavik Jablan <jablans@mi.sanu.ac.yu> Кому: riznich@inars.biophys.msu.ru <riznich@mars.biophys.msu.ru>
Копия: alvol@sstu.saratov.su;
P. W-Fowler@exeter.ac.uk; root@consvt.m3k.su;
am28@SCIRES.ACF.NYU.EDU;
ruini@unimo.it; BenignaC@aol.com;
bbarker@PASCAL.MATH.YALE.EDU;
c.d-wensley@bangor.ac.uk;
kessel@soe.berkeley.edu; davis@math.toronto.edu;
mtrdan@vmsa.technion.ac.il;
dhh@abel.MATH.HARVARD.EDU; dimagin@dimagin.com;
dcrowel234@hotmail.com;
ekki@sfb288.math.tu-berlin.de; gorodets@usm.md;
gudovi@imath.vsu.ru; rossetti@mate.uncor.edu;
mhalpenn@fas.harvard.edu; njas@research.att.com;
paulus@up.uem.mz ;
peters@earlham.edu;
sofia@uni-math.gwdg.de;
weintr@marais.math.lsu.edu;
koptsik@polly.phys.msu.su; Jiweichsel@aol.com;
zoranm@mi.sanu.ac.yu
Дата: 26 марта 1999 г. 2:07
Тема: Belgrade, 1999

Dear IS IS-Symmetry members, colleagues and friends,
As you know, Belgrade and Yugoslavia are attacked, and bombing is continuing. We will try to proceed with our journal "Visual Mathematics", published by ISIS-Symmetry and Mathematical Institute (Belgrade). Please send us your papers, letters and opinions. At the addresses:
<http://members.tripod.com/vismath/vis.htm> or
<http://www.mi.sanu.ac.yu/vismath/vis.htm> you will find my Editor Preface installed 6 hours before NATO bombing started. I hope that you will understand that it is not the question of politics, but a question of humanity, and the warning to a11 the people about the overcoming fascism. Before judging, please read it. Trying to be objective, I am promising to publish all your opinions.
Some of letters received in the last two days you may read at the address:
<http://members.tripod.com/vismath/let.htm> The bombing is continuing. Please check that addresses every two days. If you don't find changes, this is the end.
Best regards,

Slavik Jablan

Наша конференция, как вы сами догадываетесь, на сей раз не-сильно-международная. Причины, конечно, у каждого свои, но главные причины — мы все знаем. Поэтому от своих зарубежных коллег по прошлому Суздалью Оргкомитет получал, в основном, дружеские письма. Как пример, приводим e-mail профессора Артура Лоеба из Гарвардского университета, США.

Dear friends,
I regret that I am unable to return to Suzdal this year, but am honoured to serve on the conference's Advisory Committee.
I wish you good fortune with the conference, and send greetings to all old and new friends!
I know that the conference will be significant, and will advance the interaction between Arts and Sciences.
Yours sincerely,
Arthur L. Loeb

**Летим, аттрактором влекомы,
возможно, в волоске от комы...
Но разум наш - неистошим,
он шепчет нам: "Смени режим",
он нам кричит: "Смени режим!"
А мы, сгорая в пустыях,
ему в ответ: "Сойдет и так..."
Но не сойдет, лишь мы - сойдем,
коль не услышим, не свернем...**

Ассоциация «Женщины в науке и образовании» получает в последнее время и такие письма:

Дорогие мои !
Я хотел бы быть членом вашей ассоциаций и вносить посильный вклад для увеличения роли женщины в жизни всех уважающих себя мужчин и тем самым и в своей жизни.
С уважением,

проф. Обгадзе Тамаз Абесаломович Витебский
Государственный Технологический Университет,
кафедра теоретической и прикладной математики.
E-mail :tamaz@starting-pomt.com

Хорошего человека — грех не принять!

Дорогая Зоя Евгеньевна!

По Вашему научению ходила на ряд семинаров. Немного превысила задание.

Первым был семинар в Энергетическом институте 23 февраля, кафедра Высшей математики. «Компьютеры в математическом образовании инженеров». Семинар хороший, работает порядка 10 лет, имел поддержку (грант) РосНИИИСа (что-то вроде Российского научно-исследовательского ин-та информационных систем).

Этот институт объявлял конкурс на электронные учебники и базы

данных, поддерживает коллекцию представленных программ, к ним можно придумать за информацией. Семинар собирает много народа (порядка 30—40 человек), и в последнее время заметно вырос уровень участников семинара (за счет новых членов); руководители тоже учатся и растут. Семинар становится дискуссионным клубом, что очень приятно. Большая заслуга во всем этом принадлежит одному из руководителей семинара Сливиной Наталье Александровне (она приезжала в Пушкино, а до этого была в Дубне и т. д.). Сливина

обещала написать небольшую аннотацию про этот семинар и короткие тезисы, обобщающие ее видение использования компьютеров в образовании (преподавание естественнонаучных дисциплин и, в первую очередь, математики, в которой она специалист, в инженерных вузах; использование специализированных и универсальных интегрированных пакетов). У нее интересные выводы. У меня есть некоторые записи. Но не буду опережать ее собственное изложение. Ждем-с.

Фото Марины Грошевой

Николай Христович Розов с учениками

БУДНИ НЕЛИНЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Наталья Александровна Сливина с учениками

В среду 24 февраля состоялся на биофаке очередной семинар «Нелинейные системы и их модели», обычно именуемый просто «Нелинейный мир». Были два доклада: Дмитрия Сергеевича Чернавского и Веры Семеновны Ивановой. Как всегда — интересно плюс темпераментно. Семинар, как Вы, наверняка, помните, собирается уже три года, раз в квартал. Надо бы, по-моему, чаще.

В четверг 25 февраля ходили с Галиной Юрьевной в 1-ый Гуманитарный корпус МГУ поздравлять Александра Андреевича Самарского с 80-летним юбилеем. Мероприятие получилось очень удачным. Г. Ю. вам потом расскажет. Поздравительное письмо с вашими замечательными вставками получило всеобщее одобрение, мы его зачитывали вслух.

В четверг же вечером ходила в Институт машиноведения на семинар по симметрии. Евин был председателем, Коганов делал доклад. Оба были молодцы. Около двух часов продолжалась официальная часть, потом я ушла, а народ еще оставался базарить. Семинар оставил очень хорошее впечатление. Приблизительно через час после начала семинара народ разошелся и очень активно дискутировал с докладчиком. Помните наш разговор о куль-

турном пространстве? Что культурное пространство — это мы сами. Вы правы в том, что существуют точки, где это особенно ощутимо, где бьется мысль, активно идет научная дискуссия. Большая роль при этом принадлежит руководителям-организаторам и активным членам аудитории. Все это имело место. Будоражить народ — основная цель, и именно этого народ и- хочет. Истинность научных предположений или их доступность пониманию, согласие или несогласие аудитории — это вторично.

В пятницу 26 февраля ходила на семинар к Розову в Главное здание МГУ, на мехмат. «Детерминированные динамические модели экономики: дифференциальные уравнения и исследование экономических процессов». Семинар оказался студенческим: 7—8 взрослых (кажется, все математики) и человек 20 студентов 1—2 курсов и старше, экономистов. Семинар работает с 1996 года. Идет процесс обучения студентов умению анализировать научную работу, которую излагает докладчик. Докладчики приглашаются, это не студенты, а более зрелые специалисты. Розов и другие руководители по ходу доклада задают вопросы, в процесс обсуждения включаются и студенты — они объясняют Розову

И другим математикам возникающие вопросы и понятия экономики, в которых они, по их мнению, разбираются лучше. Розов своими шутками создает непринужденную обстановку.

Управляющий параметр самоорганизации Юрий Львович Климонтович

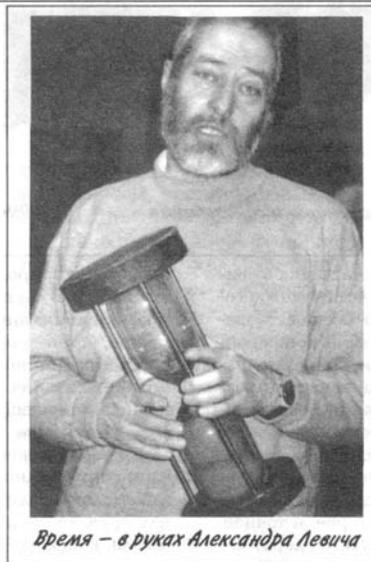
Фото Марины Грошевой

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ АТТРАКТОРА

В понедельник, 1 марта ходила на семинар Климонтовича. Это семинар «Синергетика», который существует с 1980 года. Все новые идеи в области синергетики, нелинейной термодинамики, динамической теории нелинейных систем прошли через этот семинар. Семинар Климонтовича более академический. Вероятно, обсуждения уравнений Шредингера и Вигнера не склоняют аудиторию к шуткам. Оказывается, есть уравнения Климонтовича, и это тоже не шутка.

Во вторник 2 марта ходила на семинар Левича (246-е заседание!). Поразило очень большое количество слушателей. Атмосфера удивительно доброжелательная, внимательная и спокойная.

Время – в руках Александра Левича

Фото Марины Грошевой

Но мне Левич сделал замечание, что он не любит, когда фотографируют, а может быть, и не разрешает. Весьма неприятная для меня ситуация. На всех перечисленных мероприятиях я делала фотографии. Качество неизвестно. Пленку еще не проявляла.

Ваш собственный корреспондент М. В. Грошева.
Между прочим, наступила весна...
Поздравляю...

Когда б мы владели языком,
Мир был б не том.

**О, как многоязычен мир!
А мы косны - в своем наречье.
И это вот пртиворечье
мы снять должны.**

К вопросу о человеке и решениях, которые он принимает, и действиях, которые он совершает.

Основополагающие тезисы.

1. За минувшие тысячелетия человечество накопило громадный опыт решений и действий.

2. Все, что повторяется и накапливается, — изучаемо.

3. Все, что изучаемо, — осмысливаемо и упорядочиваемо.

4. Осмысление накопленного опыта нашло свое отражение, в частности, в пословицах и поговорках.

5. В другой частности, этот опыт отражен в сочинениях А. Бирса, Г. Флобера, Н. Паркинсона, Л. Питера, некоего Мэрфи, С. Леца, Э. Кроткого и т. д. Добавлю сюда также А. Франса, О. Уайльда, К. Чапека, К. Пруткова.

6. Что особо изумительно — в пословицах и упомянутых сочинениях уйма противоречивых утверждений.

7. Изучаемость накопленного опыта, таким образом, отражена. Хуже, гораздо хуже, а, возможно, никак обстоит дело с упорядочиванием этого опыта. Составители сборников афоризмов не в счет — это чистая эклектика. Отдельные разумные попытки в счет не идут.

8. Причины неупорядочивания очевидна. В существующих науках о человеке на эту тему не думают — кто же будет анализировать человеческие поступки на основе простонародных изречений и двусмысленных хохмочек? Никто.

9. Значит, нужна новая наука. Название очевидно: это — нелепология, ибо во всей живой природе нелепые решения и нелепые действия присущи только человеку.

10. Следуя Евклиду, Спинозе и пр. предшественникам, начнем сию науку строить аксиоматически. Кроме того, это солидно.

11. Основных аксиом предлагаю две. 1. Человек — существо нелепое. 2. Нелепости складываются по нелепым правилам.

12. Из этих двух аксиом, по моим наблюдениям, моментально и сами собой вытекают основополагающие законы, пословицы, принципы, поговорки и следствия вместе с причинами.

13. Однако достаточно полной теории мне построить не суждено — абсолютно нет времени. Посему полагаю, что возведение стройного здания нелепологии — дело всех нас.

Я понимаю, сколь фундаментальный вклад вносит эта публикация в ход человеческой мысли. Именно поэтому я сознательно отказываюсь от каких бы то ни было приоритетов, уподобляя себя анонимным авторам народной мудрости. Оставляю себе лишь подозрительную репутацию первопрохо-димца.

В. Рыжик, математик

Санкт-Петербург, Лицей "Физико-Техническая школа"

ПРЕДЛАГАЮ ПЯДЬ СВОЕЙ ЗЕМЛИ. МОЖНО — БОЛЬШЕ

У ученого, как правило, есть ощущение границ своих профессиональных «полномочий». Мое — что-то в физике. Или в социологии. И т. д. и пр. За пределами моего профессионального «поля» как исследователь я уже на публике не появляюсь. И не люблю прогулки дилетантов по моим научным клумбам. Особенно — эмоциональных и доверчивых людей мира искусства, готовых все или многое принять на веру только потому, что оно им нравится. Они и мы. Разные миры. Что, впрочем, и старо, как мир (который?).

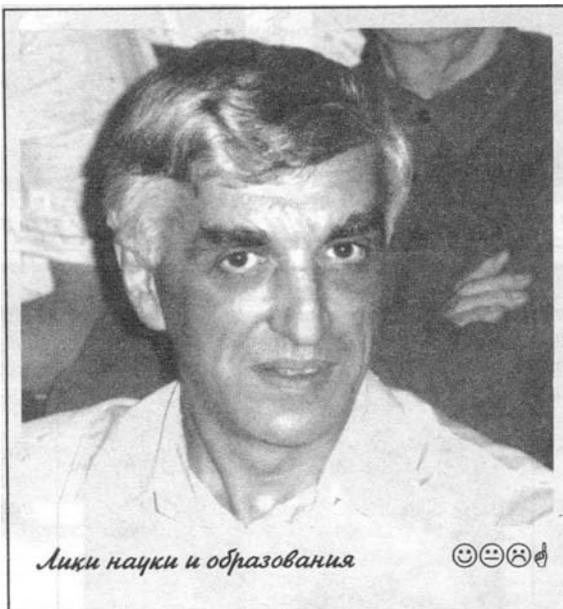
Меж тем для многих профессионалов науки мысленные рейды по территориям искусств, с попытками понять и анализом для себя — дело обычное и даже необходимое. Без них жить пресно, плоско и постно. Это, несомненно, позволительно также и потому, что претензии на публичность плодов этих частных занятий обычно нет. Ведь понятно, что такая внутренняя любительская «кухня для себя», где варятся впечатления от виденных спектаклей, фильмов, выставок, есть у каждого. На фоне неписаных правил раздельного сосуществования двух познавательных культур программа конференции в Суздале вызывает удивление и, одновременно, радостное чувство. В ней приглашение к легализации размышлений о не-своем. Обращаясь друг к другу за пониманием, будут вести диалог ученые-естественники и те, кто живет в искусстве и искусством? Интересно.

Сопоставление научных текстов с произведениями искусства часто рождает тоскливое чувство — видно, что там (в искусстве) суть схватывается и быстрее, и точнее. Прогулки в методический беспредел искусства дарят воображению целительные толчки метафор для порой застревающего движения к истинам родной науки. В научное постижение включаются другие языки, образы, меняется размерность взгляда. Метафора — знак и результат освобождения от запрессованности в привычное и уже поэтому мало продуктивное видение. Если повезет, метафоры прилетают роем, пестрые. Такая встряска еще плодотворнее, даже для продвижения в привычных плоскостях.

Не только наука и искусство, но даже понимание и научное описание — совершенно различные занятия. Более того, похоже, они конфликтуют друг с другом. Вот, вроде бы, есть ощущение — «понял» (или «понимаю»). Пробуешь зафиксировать это понимание реальности (на

пример, социальной), с которой работаешь как ее исследователь. Перевести ощущения в ясное, понятное другим описание. Начинает рождаться текст. И буквально сразу, параллельно возникает

многократно знакомое чувство разрушения или ускользания целого, цельного. В науке описание происходит обычно последовательно, без разрывов. Линейность последовательного рассуждения, аргументации, доказательства — затягивает. Многомерность образа реальности (бесконечномерной), которая и дала ощущение — «понимаю», теряется уже в процессе описания. Избежать этого в плоскости удается редко. И скорее — в многоглавной монографии, растягивающейся на месяцы и годы, чем в кратком тексте-прорыве. Бывает, оглавление приятней книги.

Понимание реальности мозаично. Исходно не известны ни границы пространств, в которых живет объект моих попыток понять, ни число этих пространств, ни даже их природа, качество. Научная проходка в гранитах наук шаг за шагом занудна. То, что между пятнами мозаики понимания, не важно. Понятно и так. Пока. Возможно, понимание и конкретное знание соединены в константу (принцип неопределенности?). Конкретизация, детализация от понимания целого могут привести к полной потере ощущения — «понимаю».

Наука, за редким исключением, серьезна. Меж тем, иронично-внимательный взгляд видит больше серьезно-внимательного. Легкий «треп о серьезном» художника (слова, палитры и др.) с ученым — вовсе не кураж или проявление отторжения. Это приглашение к свободе мысли, к свободе образов, недостаток которой интуитивно ощущается в ученом (нередко, но, конечно, не всегда).

Упорство и последовательность естественнонаучной проходки соединить бы с легкостью смены ракурса, а то и языка (чередовать?). Впрочем, это может как способствовать продвижению к пониманию сложного, так и уводить от понимания, если такой переход ведет не к повышению размерности, а лишь переводит в другое сечение бесконечномерного. Для движения к сути сложного, вероятно, нужны встряски искусством. Или просто искусство.

*Николай Корнев Санкт-Петербургский филиал
Института социологии РАН*

Борик Болотовского

Дочка из школы пришла и спросила:

«Папа, а правда, что знание - сила?»

Этот вопрос обсудили мы с ней,

И согласились, что знание - сила,

Только невежество - много сильней.

Напоминаем нашим читателям, не всегда успевающим в силу профессиональной занятости следить за движением художественной мысли, что Борис Михайлович Болотовский — физик-теоретик, профессор ФИАН и наш постоянный автор.

Математика и Огни Святого Эльма

Вуз наш испокон века (то есть уже более шестидесяти лет) пользуется завидной популярностью у молодежи России, а также дальнего и ближнего зарубежья в силу своей уникальности. Ведь это единственное Высшее учебное заведение, которое выпускает специалистов метеорологов, океанологов и гидрологов. Думаю, что поступают в Гидромет вполне осознанно, потому что будущая профессия кажется такой привлекательной и романтической. Это тебе не эпюры бесконечные чертить на кульмане, не корпеть над пробирками в душных химических лабораториях, и не ловить за хвост несуществующую элементарную частицу, не имеющую даже своего местоположения! И молодому человеку представляется, что после успешного окончания Вуза его будут ждать дальние просторы, таежные дебри и все прелести кочевого быта. К тому же окружающая его природная среда представляется ему такой понятной и простой, а прогноз погоды он слушает каждый день по радио и очень удивляется, когда этот прогноз почему-то не оправдался.

Первое разочарование охватывает первокурсника уже в первый день занятий. Оказывается, что Вуз, в который он поступил, имеет физико-математический профиль, и прежде чем научиться предсказывать поведение атмосферных и океанологических движений, и наблюдать огни Святого Эльма, и изучать полярные сияния, необходимо постичь современные методы математического анализа, математической физики, статистики, теории вероятностей и все премудрости компьютерной грамотности. Студент оказывается совершенно не подготовленным (даже скорее в моральном плане) к такому обилию математических и физических дисциплин. К тому же в школе его не научили абстрактно мыслить, а те, кто это умел делать, поступили в «явные» физико-математические Вузы, а не в романтический гидрометеорологический Университет.

И вот начинается великая «борьба за умы» студентов. Все время ходишь по острию ножа. С одной стороны, пытаешься не разочаровать молодого человека, не отбить у него любовь к предмету изучения, а с другой стороны, повернуть его лицом к математике, научить его постигать язык природы методами сложного математического аппарата. Это особенно важно на рубеже тысячелетия, когда во всех науках (и, конечно, в науке об атмосфере, гидросфере и океане) идет смена парадигмы. Линейный детерминированный подход к изучению природы и общества заменяется нелинейным, вероятностным подходом. Для дальнейшего улучшения качества анализа и прогноза поведения системы Земля-атмосфера необходимо рассматривать ее как открытую динамическую систему и прогноз погоды за пределами предсказуемости (две, три недели) формулировать лишь в вероятностных терминах. В последнее время основные понятия теории динамических систем (такие, как аттрактор и его размерность) переносятся на временные ряды наблюдений за атмосферой, океаном или гидросферой, которые интерпретируются как некоторая реализация фазовой координаты динамической системы.

Кроме того, нелинейный подход к жизни вообще необходим человеку в нашем мире для простого выживания в нем. Особенно это относится к молодежи, которой в большей степени, чем взрослым людям, свойственен максимализм, неприятие «чужого» и непонимание множественности истины: Как ни покажется странным, любовь к математике и умение применять ее методологию к повседневной жизни позволяет человеку лучше адаптироваться к этому «безумному, безумному миру».

Как известно, лучше всего запоминается все необычное и странное. Поэтому в своих лекциях по гидродинамическим методам метеорологических прогнозов мне приходится изощряться и приводить

в качестве примеров разные смешные и даже парадоксальные случаи из своей профессиональной

деятельности. Пытаешься объяснить студентам, что неопределенный интеграл - это не простая «закорючка», которую сначала не понимал, а потом к ней привык, а некий линейный оператор, который преобразует одну действительность в другую, а бесконечность ассоциируется с невозможностью постижения мира... Можно долго и нудно объяснять студенту, что такое законы распределения случайной величины, а можно просто насыпать на стол муку и показать им на горку, а уже потом писать на доске всевозможные формулы.

Метеорология - удивительная наука. Она позволяет объединить всевозможные языки - язык математики, язык природы и язык созерцания и восхищения математикой и природой. И свою задачу я вижу в том, чтобы научить будущих метеорологов любить и понимать все эти языки.

Людмила Неелова
Санкт-Петербург, Российский
государственный
метеорологический университет

Всего и дела, что...

Понимание — главная проблема гуманитарных наук С.
Аверинцев

У Болконских была семья строгого режима.

Сочинение десятиклассницы

Не правда ли, забавно? Я о втором эпиграфе, нечаянном диком «оксюмороне». В классе мы отдали ему должное, припомнив заодно бесчисленную его родню:

встающего с койки Онегина, запропавшие тапки Обломова, экстремальную ситуацию в семье Кабанихи, минимальное реагирование Элен Безуховой на собственного мужа — *et cetera*. Однако встаньте на место незадачливого стилиста, шестнадцати лет и нормально-украинного развития (школа наша микрорайонная, на краю города):

как еще назвать семью, где глава неизменно требователен и резок со всеми, дочь трепещет перед отцом, время дня точно размечено и все совершается по навсегда заведенному порядку? Ясно — как: словесное клише само прыгает под перо, а его тюремно-лагерный вкус и запах сегодняшнему школьнику почти невняты. Может быть, пройдя сквозь литературу XX века, он уже не родит подобного гибрида — если мы постараемся, если сам почитает, почувствует. Если!

Нет, речь не о проблеме школьного чтения, хотя она актуальна и болезненна. Но решать ее можно, и это делается словесниками, по-разному, с трудом, с большими внутренними затратами, но и с огромным удовольствием, когда получается (а получается все-таки!). Я — о тексте и о контексте, наших хлебах насущных, источниках драгоценного и важнейшего, чего добиваемся: понимания (человека, книги, страны, истории, себя самих).

На сороковом году профессионального стажа, вновь работая после перерыва в средних классах, открываю Америки, утверждаюсь в крамольных предположениях. К примеру: в какой степени встреча ребенка с книгой нуждается в учительском присутствии? Без нашего руководства, сами постигнут ли дети глубину художественной вещи? В живом и отзывчивом 6-м классе читаю (внепрограммный) рассказ А. Платонова «Третий сын» и прошу ребят проделать «мою» работу — поставить вопросы, помогающие увидеть все важное в рассказе. Под градом предложений исписываю ими две доски, дети «сообща вычлениют самые существенные, тут же наперебой, споря, отвечают на них. Кипят и после звонка, всю перемену, последний выплеск — в сочинениях: «Я так вникся в этот рассказ, что не забуду его никогда в жизни». Вот оно: *вникся*, корень не только в мощи Платонова, но в разбуженной навстречу слову активности ребят. Повторяла подобное в других классах — инертных, нечитающих, не готовых к элементарной беседе — с другими рассказами, с романами, наконец! Процесс шел по-

разному, результаты совпадали: хорошо прочитанный (прочувствованный) текст превосходно работал на собственное понимание, почти без моего посредничества. Все-таки — почти, ибо познакомить-то надо, заразить, «озадачить» (как 6-й), а то и подтолкнуть при заторе, добавить — из другого опыта и культурной сферы. «Разъяснить» же не требовалось, искусство это делало само.

Не ломлюсь в открытую дверь: мы клянемся силою художественного слова, но в своей преподавательской

практике мало ей доверяем, редко опираемся на нее. Из лучших побуждений или от собственной беспомощности душим «привносящими» трактовками, а в последнее демократическое десятилетие — и конфессиональными догмами, идя мимо живой плоти произведения. Могла бы привести много печальных примеров того. Знаю по опыту преподавания на курсах повышения квалификации, как боится учитель остаться с книгой один на один, без методической разработки:

почти как ученик, которому предложено оценить не разобранную в классе повесть. (К слову: как же мало и скверно учат в наших педвузах навыкам первой необходимости! И 30 лет назад, и сегодня — те же проторы и убытки в образовании учителя-филолога.)

А на деле и этот боящийся учитель (проверено!), и ученик, в не напряженном помехах контакте с текстом, вдумываясь и вглядываясь, открывают его глубину, богатство и суть. Сами.

«О фрагменте, который мне дали (полстраницы), я знала только, что это начало повести. Больше ничего. Сразу стало понятно, что

действие происходит в Москве (Ваганьковский рынок), на окраине тогдашней Москвы: "все тут было дачное, и люди, жившие здесь, считали, что живут на даче". А время? Первая строка: "В те времена..." Последняя: "Но сейчас..." Значит, прошлое и настоящее», — начинает сочинение десятиклассница, получившая в руки страницу повести моего любимого писателя. Что поймет, что увидит 15-летняя девочка в многослойной, как пружина сжатой, всячески для нее сложной трифононской прозе? — «Человек, написавший это, по-моему, много видел за свою жизнь, пережил, передумал. Он неравнодушный к окружающему, все его затрагивает, глубоко чувствующий, все пропускает через себя... В строках чувствуется печаль: "все это было давно...", "тогда, во времена сирени". Весь отрывок построен на сравнениях, метафорах, контрастах. Главный контраст: сад — магазин "Мясо", сирень — восьмизэтажный дом вместо нее. Мне кажется, тут звучит сожаление: была радость, красота, а стала некрасивая простота жизни... Судя по такому началу, повесть будет о памяти, которая живет, несмотря на время, перемены и потери. Она бережет символы прошедшей жизни, то, что не дает разрушить внутренний мир человека, защищает его». — Девочка без всякой подсказки уловила в небольшом фрагменте лейтмотив творчества Ю. Трифонова. «Исключительный» читатель? Уверяю, нет, даже не слишком искусственный, только чут-

кий и вдумчивый. Кстати, и вовсе не исключительные, писавшие о том же, делали близкое, похожее. Не в особом даре суть: «Всего и дела, что взглядеться, боже мой! Всего и дела, что помедлить над строкою...»

Требуется уточнение — об опасности абсолютизации чего бы то ни было и необходимости — как правило — контекста, той культурной информации, без которой восприятие может оказаться искаженным или хромым. Как в 6-ом классе, где я предложила детям сказать, о чем, по их мнению, стихи О. Мандельштама «Куда как страшно нам с тобою...» Помню их ошеломленные лица («Мы думали, вы над нами шутите, это какой-то набор слов»), сосредоточенность в нескольких парах глаз, первую поднятую руку: «Эти стихи о человеке, которому грозит что-то страшное, а он...» Потом многоголосие замеченного, порой поразительно — для их возраста — тонкого. Но — дети хороших родителей, они все посчитали героя стихов виноватым в чем-то серьезном: недаром же он боится и сожалеет, «наказания без вины не бывает». Недостало представлений об истории, контекста того самого «строного режима». Вот тут и время вступить учителю: добавить

Вдруг «Госпожа Удача» получила такое письмо:

«Пишет вам ученик физико-математической школы Петя Васечкин. Очень прошу набраться терпения и дочитать мое письмо до конца.»

Совсем недавно учитель математики рассказал нам об удивительной геометрии, созданной Бенуа Мандельбротом и названной им фрактальной геометрией Природы. Эта геометрия описывает реальные предметы с их шероховатыми поверхностями, пористой структурой, извилистыми очертаниями в отличие от других геометрий, занимающихся изучением идеализированных гладких и сплошных фигур и тел.

Учитель показал нам удивительно красивые фракталы, которые обладали своим самоподобием, т.е. как бы повторяли себя в различных масштабах, и сказал, что бременские математики организовали выставку фракталов, которая экспонировалась по всему миру и даже побывала в Москве. Жаль, не знал, сходил бы.

Оказалось, что фракталы не только очень красивы, но и обладают не совсем обычными свойствами, например, имея бесконечный периметр, могут ограничивать конечный участок плоскости.

Вечером того же дня я читал своей младшей сестренке сказку Андерсена «Новое платье короля», которую вы, может, знаете. И тут я вдруг подумал, что события, изложенные Андерсеном, могут быть истолкованы совершенно иначе. Представьте себе, что в город, где жил король-щеголь, прибыли два искуснейших мастера, умевших вышивать по тончайшей ткани прекрасные фрактальные узоры. Ткань была тончайшая, узоры едва видимы, и у неискушенного наблюдателя вполне могло создаться впечатление, что нет ни ткани, ни узоров. А поскольку линии узоров имели бесконечную длину (ведь узоры были фрактальными), ясно, что никакого запаса шелка и золота в королевстве не могло хватить. Но не станешь же обьяснять свою правоту всем профанам! Вот мастерам и пришлось —

попросту дать тягу.

Народ во время процессии действительно видел сквозь тонкую ткань голого короля, потому что ничего не знал о фракталах. И со страху молчал. А мальчик, во всеуслышанье заявивший, что король — голый, тоже не подозревал о фракталах. Но он крикнул, потому что был смелый. Мне кажется, что именно Андерсена мы должны считать первым человеком, осознавшим феномен фракталов, хоть это слово и придумал значительно позднее Бенуа Мандельброт. Дорогая редакция! Как по-вашему, имеет ли право на существование моя интерпретация?

Жду ответа, как соловей лета.

Петя Васечкин.»

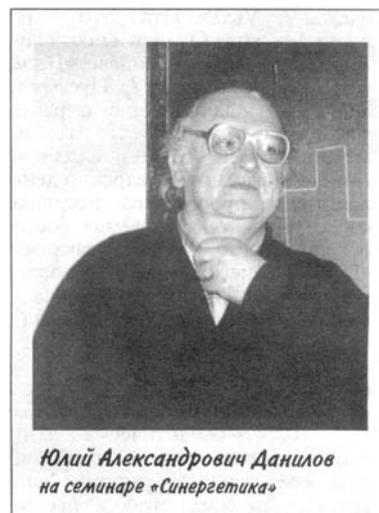
Сперва редакция обомлела от гордости за наших детей. Это надо же, как пронзительно, глубоко и тонко простой десятиклассник физико-математической школы со скромным именем Петя Васечкин разбирается в сложной научной проблеме, в которой многие и из нас-то путаются! Видать, у этого парня — учителя высочайшей пробы! В голове замелькали знакомые и дорогие фамилии. Потом, при всей нашей крайней доверчивости, некоторые подробности смутили нашу гордость. Особенно, честно признаемся, «шероховатые поверхности», «пористые структуры» и некоторые другие. Нам даже показалось, что под детским обликом Пети скрывается, скорее всего, Сер-пинский, может, со своими треугольниками. Но тут мы смутно вспомнили — «Вацлав Серпинский (1882-1969)». Нет, отпадает. Тогда редакции стало ясно, что это шутка Бенуа Мандельброта. Мы же его приглашали в Суздаль. Значит, решил присутствовать таким вот изысканным способом! Нет, вряд ли! Мандельброт бы не стал бесконечно ссылаться на себя. Что ему, славы, что ли, не хватает? А с другой стороны, вряд ли он отказался бы от первоавторства даже в пользу Андерсена. И главное, откуда Бенуа Мандельброту знать чисто российское наше присловье, столь много глаголящее именно нашему менталитету:

«Жду ответа, как соловей лета?»

необходимое. А что необходимо, пусть подскажет собственный разум и, конечно, наука: «Откуда школа возьмет свои концепции, если наука не даст их?» (Г. А. Гуков-ский). Главное же сказано — текстом. Читайте — и откроется.

Не думаю, что говорила о проблеме узко профессиональной. Понимание литературы — великое дело. Помните убежденность Иосифа Бродского в спасительной роли книги для его поколения? И, конечно, не зря обскурантистская часть сегодняшней Думы выдвигает проект сокращения школьных часов на гуманитарные предметы вообще, а литературу — в особенности. Чуют правду. Эта очередная угрюм-бурчавая попытка остановить реку провалится, но нам-то следует сопротивляться всему ей подобному: постоянно, упорно, делом. Образовывать литературой, по хорошему слову Джанни Родари: «не для того, чтобы все стали художниками, а чтобы никто не был рабом».

Ольга Миттельман,
Санкт-Петербург, школа № 590

Но кто же это тогда, кто?

И тут в редакцию вошла Марина Валентиновна Грошева и сказала: «Вот еще один снимок с семинара "Синергетика". По-моему, Юлий Александрович неплохо получился, как вы считаете?» — «Данилов!!!»

— радостно взревели мы. Марина Валентиновна даже испугалась: «Не нравится?» — «Еще как нравится! — закричали мы. — Как мы сразу-то не догадались?!» Действительно, «спрятавшись за словом — уши видно», как сказал философ. Только Юлий Александрович Данилов знает всё про фракталы, а всё, к примеру, что мы знаем про Пригожина и его идеи, мы знаем только от Юлия Александровича, потому что он его и других умных людей для нас переводит. Сейчас, по слухам, готовит новый перевод Шредингера «Жизнь с точки зрения физика». Беспокоить его нашими догадками мы не сочли возможным.

Как вы думаете, дорогие читатели, имеет ли наша интерпретация право на существование?

«Друзья мои, вам жаль поэта»

Продолжим эту строфу VI главы «Евгения Онегина»: «Во цвете радостных надежд // Их не свершив еще для света // Чуть из младенческих одежд, // Увял!». И так, это — Пушкин о смерти поэта Ленского. О смерти поэта Пушкина другой великий поэт отозвался иначе: «*По-гиб* поэт!... Убит!... К чему теперь рыдания, // Пустых похвал ненужный хор // И жалкий лепет оправдания? // Судьбы свершился приговор!». В массовом сознании (а может быть, не только в массовом) дуэль и смерть Ленского в зимний январский день воспринимается как некое пророчество, предвиденье Пушкиным собственной судьбы. Одно бесспорно — к ним обоим можно отнести заключительные строки «Евгения Онегина»: «Блажен, кто праздник жизни рано // Оставил, не допив до дна // Бокала полного вина, // Кто не дочел ее романа // И вдруг умел расстаться с ним...» Это очень русское «вдруг» весьма выразительно. Оно вполне может соперничать с «авось», которое Пушкин назвал «народным шиболетом» (национальным паролем).

«Вдруг» семантически в языке и реально в текущей событийности — объемно и многогранно. Но при этом всегда — указание на хронологическую границу, неожиданную и неотвратимую. Самым крайним случаем этой неотвратимости является *смерть*. «Вдруг» всегда рождает новый временной этап. Для гения таким новым этапом может стать *бессмертие*. Пушкинское бессмертие — особое. Хрестоматийная формула Аполлона Григорьева «Пушкин — наше все» подтверждается очень многим: он «милость к падшим призывал», он предстал перед своими соплеменниками как самый солнечный национальный гений, художественно охвативший всю полноту человеческого бытия, он, по словам Белинского, из русского языка сделал чудо, чудом — прибавим мы — сделал и русский стих, основанный на «союзе волшебных звуков, чувств и дум». И тем не менее трагическая *смерть поэта* словно бы делала совершеннее, величественнее его жизнь.

Трагическая смерть поэта усиливала накал страстей и эмоций сограждан, во многом предопределяющих создание великих национальных символов и мифов, формирующих самосознание народа

Трагическая смерть поэта оказалась и тем новым «магическим кристаллом», сквозь который

стали яснее «различаться дали» его свободного творчества. Пушкин показал, что он не только творил «по законам, им самим созданным», но жил и умирал по собственным законам части. Слово, подкрепленное поступком, весомее и долговечнее. Но долговечность коварна. Время по-разному высвечивает поэтическую идею, стихотворную форму, образ героя. Сосредоточимся хотя бы на главном пушкинском произведении — «Евгении Онегине».

При жизни Пушкина Ленского, воспринимаемого в ироническом ключе, не спасла даже *смерть*. Сохранилось воспоминание П. А. Вяземского: «Когда Пушкин читал еще неизданную тогда главу поэмы своей, при стихе "Друзья мои, вам жаль поэта..." один из приятелей его сказал: "Вовсе не жаль!". "Как так?" — спросил Пушкин. "А потому, — отвечал приятель, — что ты сам вывел Ленского более смешным, чем привлекательным. В портрете его, тобой нарисованном, встречаются черты и оттенки карикатуры"». Эта «прижизненная» реакция весьма симптоматична. Ленский как поэт не в лучшем свете попадал в пушкинскую творческую ауру: «Он пел разлуку и печаль, // И нечто, и туману даль, // И романтические розы» или «Так он писал *темно* и *вяло*» ... «И наконец перед зарею, // Склонясь усталой головою, // На модном слове *идеал* // Тихонько Ленский задремал».

Но отсвет смерти Пушкина преобразовывал облик Ленского. Лермонтов первый (во всяком случае — публично) сравнил эти две судьбы: «И он убит — и взят могилой / Как тот певец, неведомый, но милый... / Воспетый им с такою чудной силой».

И уже в 1838 году была подхвачена идея о том, что Онегин и Ленский — раздвоение души самого Пушкина. Эту идею подробно разобрал Иванов-Разумник в статье, помещенной в третьем томе знаменитого венгерского издания сочинений Пушкина (1909). Пушкин переболел духовными недугами обоих своих героев и вышел победителем, освоив картину мира, не впадая в крайности: ни в абсолютный нигилизм и скептицизм Онегина, ни в наивный идеализм Ленского. Следует вспомнить и то, что создавая принципиально новую поэтическую стилистику, Пушкин изменил языковым вкусам предшествующей эпохи и своим прежним пристрастиям. фразеологические штампы типа «Блеснет зутра *луч денницы*», «Слезу пролить *над ранней урной*» принадлежат не только Ленскому, но и раннему Пушкину: «Напрасно блещет *луч денницы*» («Гроб юноши»), «вздохнет *над урной гробовою*» («Элегия»). Так Ленский перестал быть карикатурой. Он был даже причислен к обаятельным образам русской литературы, правда, с некоторой оговоркой: «Образ Ленского, как он ни обаятелен, заключает, однако, развенчание романтизма» (Г. А. Гуковский). Однако, хотя смерть Ленского и не спасла его полностью от читательского (а еще более — исследовательского) «унижения», она дала Пушкину возможность более широко представить вариативность человеческой жизни. Два знаменитых прогноза дальнейшей участи Ленского должны настраивать отнюдь не на то, чтобы отгадать, какой вариант реальнее (чем часто грешат пушкинисты), а на понимание возможности и неизбежности жизненного

разнообразия: 1) Поэта // Быть может, на ступенях света ждала высокая ступень. // Его страдальческая тень, // Быть может, унесла с собою святую тайну, // И для нас погиб животворящий глас...» и 2) «Познал бы жизнь на самом деле, // Подагру в сорок лет имел, // Ел, пил, скучал, толстел, хирел...» В конечном счете, эта жизненная вариативность, постоянно увеличивающаяся ходом времени, рождает и вариативность интерпретации любимых героев, определяет их новую жизнь в новом времени и пространстве. Без этого — не живет великое произве

дение, а значит и великий поэт. Так воскликнем же вслед за Пушкиным: «Увял! Где жаркое волнение, // Где благородное стремление // И чувств и мыслей молодых, // *Высоких, нежных, удалых?*» и сохраним в памяти поэтически не превзойденную формулу порывов одухотворенной молодости — высоких, нежных, удалых.

Сакмара Ильенко
Санкт-Петербург, Российский
Государственный Педагогический
Университет им. А.И. Герцена

когда бы мы владели языком зпт мир был б другом зпт откуда знать тире каком зпт но все таки другом зпт наверняка не том зпт в каком свою судьбу несем с таким нечеловеческим усильем зпт когда бы мы владели язы

ФИЛОСОФИЯ

Обозреваньє форм существования живых и Мертвых — б профиль или б фас., необходимейшая фаза созреваянья ума пытливого, заложенного в нас.

Но созерцаьє форм существования, движения Материи вдоль оптимальные трасс начальная лишь стадия образования, уже давно не удовлетворяющая нас.

Вот созданье сфер обетованья — домов, дорог, Мостов и кораблей — активная стратегия познания рук.и ума спо-соб-нос-тей!

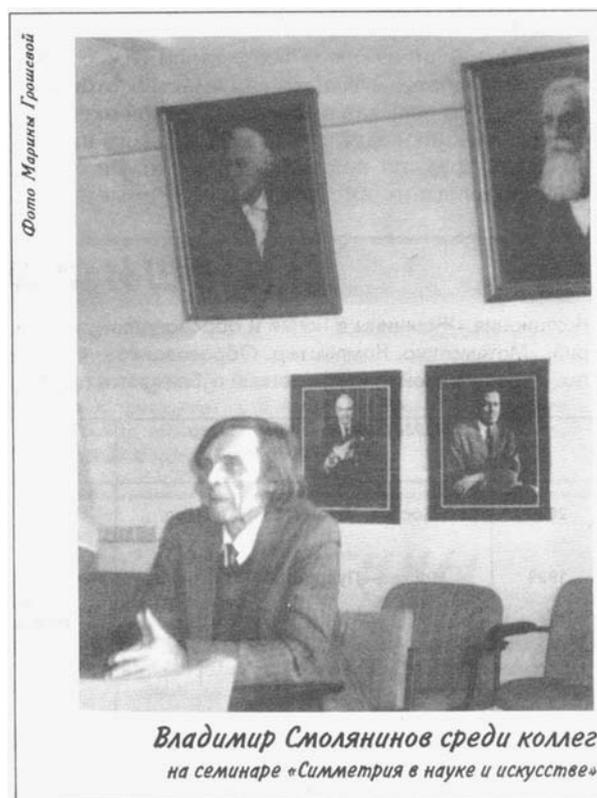
И это тоже лишь пол дела — практическая, прикладная сторона — стремится Дух не знающий пока предела, все дальше в сущность ес-тес-т-ва.

Там — за- пределом созерцаьня, возможен только Метод созиданья: идей, теорий, представлений, гипотез и... мировоззрений.

Материя — основа бытия. Идея — суть и путь познания.

Не царствовать над Миром, а... царить в нем.

Преодолевать ошибки, делать пробы — идеи проверять! Новые творить! Постигая Жизнь как акт Свободы.

Нам трудно управлять прозреньем и твореньем... И направлять игру и чувства, и ума... Но с детства мы с огромным упоеньем стремимся к новизне —

была бы жизнь полна!

Была б душа - щедра! Была б ума - палата! Была бы мысль...

свободной и кры-ла-то-й...

«Мне скучно, бес...», или «...посильнее Фауста Гете»

Историк, доктор наук, популяризатор, профессор С. сказал недавно что-то в этом роде: «Выставки в наших музеях, как правило, скучны; лишь выставка фирмы "Мартини" в Русском музее была, к счастью, иной». Интеллигенту, эрудиту, умнице, «гению коммуникации» в музее скучно.

Респектабельный, творческий руководитель образовательной службы американского музея объяснял мне: «если человек зашел в музейное кафе, выпил там чашечку кофе и затем покинул музей, то это — победа: человек с приятностью провел время в нашем пространстве, у него сложилось позитивное представление о музее».

В одном из европейских музеев предлагается дорогостоящая услуга: «Ночь в музее для двоих» с полным прикладом нужных к сему принадлежностей. Музей приглашает всех, стремится о всех выказать заботу, и все же сам властно отбирает публику. Это ведь как в археологической экспедиции: на раскопки едут в отпуск те, для кого ни физический труд, ни и познание прошлого, ни общение, ни деньги не имеют отдельного смысла. А в

художественном музее «своим» становится тот, кто умеет преодолевать вселенскую скуку, уверен в самоценности своей внутренней жизни и все-таки нуждается во внешних опорах и подпитке для нее. «Музейный человек», наверное, способен к неторопливому созерцанию и знает, как аккумулировать энергию, ей подчинив телесно-физические ресурсы. Ему нужна воля — принять решение, добраться до музея, выбрать маршрут. Он, конечно, идеалист, и вряд ли поймет когда-либо, как можно заезжать в церковь для минутной молитвы перед совершением убийства. Классическое для него живо, а современное — не противно.

Там, в музее, такой человек находит жизнь, «живые картинки» — а вернее, открывает для себя смыслы, которые делают его посильнее рефлексирующего, испытывающего бездны и себя, гётевского Фауста (снимем кавычки, имевшиеся в цитированном тексте).

Существовал ли, существует ли и будет ли существовать такой человек ?

Алексей Бойко
Санкт-Петербург, Государственный Русский музей

НАШИ КОНФЕРЕНЦИИ

Ассоциация «Женщины в науке и образовании», начиная с 1994 года, является организатором конференций трех серий: «Математика. Компьютер. Образование», «Женщины-математики», «Нелинейный мир», о также некоторых других. Перед каждой из конференций публикуются тезисы докладов, а после — сборники научных трудов ее участников.

	Математика. Компьютер. Образование.	Женщины-математики	Нелинейный мир
2000	VII Москва—Дубна 23-30 января	VIII Воронеж Май	V Астрахань Сентябрь
1999	VI Москва—Пущине 24-31 января	VII «Математика. Экономика. Экология. Образование» Новороссийск 26 мая—1 июня	IV «Языки науки — языки искусства» Суздаль—Москва 7-12 июня
1998	V Москва—Дубна 26-30 января	VI «Математика. Образование. Экономика.» Чебоксары 25-29 мая	Международная школа «Теоретическая Биофизика» Москва 16-20 июня
1997	IV Москва—Пущине 29 января—3 февраля	V «Математика и Экономика» Новороссийск 26-30 мая	III «Экологическое образование и Нелинейное мышление» Воронеж 22-28 сентября
1996	III Москва—Дубна 29 января—3 февраля	IV «Математика. Моделирование. Экология» Волгоград 27-31 мая	II «Математика и Искусство» Москва—Суздаль 23-27 сентября
1996	II Москва—Пущине 27 февраля—3 марта	I «Математика, Моделирование, Экология» Воронеж 29 мая-2 июня	I «Критерии самоорганизации» Москва—Суздаль 12-18 июня
1994 1993	Москва—Дубна Январь	II Пущине Май Суздаль Май	Информацию см.: http://mars.biophys.msu.ru/awse